

К ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОНОЛОГИИ

С. К. ШАУМЯН

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФОНОЛОГИИ

1. Несколько слов о фонологии и Н. С. Трубецком

Разработка фонологии с позиций диалектического материализма принадлежит к насущным задачам советского языкознания. Важное значение фонологии состоит прежде всего в том, что она раскрывает собственно лингвистическую специфику звуковой стороны языка. Но фонология должна сыграть важную роль также для познания специфики грамматического строя языка. Дело в том, что такие важные проблемы фонологии, как проблема тождества, проблема нейтрализации и многие другие проблемы, бросают яркий свет на сходные проблемы грамматики, которые, несмотря на свою первостепенную важность, оставались в тени до возникновения фонологии. Большое значение для грамматики имеет также опыт фонологии относительно соединения индуктивных приемов исследования с дедуктивными. Вот почему за последние двадцать лет в мировом языкознании к фонологии приковано внимание не только фонетистов, но и тех ученых, которые занимаются преимущественно грамматическим строем языка. Как известно, фонологические исследования и возникшие под их влиянием новые грамматические исследования получили название структурной лингвистики. Основатель фонологии Н. С. Трубецкой писал: «Фонология как теория звуковых противопоставлений и морфология как теория формальных противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки должны применять одинаковые методы исследования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков школа, называемая «фонологической», предполагает аналогичный подход к остальным частям теории языка, предполагает, новую *структурную теорию языка*»¹.

В советском языкознании фонология в свое время подвергалась гонению со стороны марровцев. После коренного перелома, который наступил в советском языкознании с появлением труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», следовало ожидать, что фонология будет разрабатываться с позиций диалектического материализма. Однако в этом направлении еще ничего не сделано, хотя вот уже три года, как появился труд И. В. Сталина.

В своей статье «Проблема фонемы», напечатанной в дискуссионном порядке в вып. 4 «Известий Академии наук СССР, Отделение литературы и языка» за 1952 г., я сделал попытку внести свой посильный вклад в общее для всех советских лингвистов дело решения основных вопросов фонологии с позиций диалектического материализма. Отстаиваемая мной фонологическая концепция отличается двумя особенностями. Во-первых, она представляет собой функциональную теорию фонем Н. С. Трубецкого, очищенную от идеалистических извращений и идеалистической фразеологии, затемняющих смысл ее понятий и принятию, и в этом отношении резко направлена против нигилистического отношения к трудам Н. С. Трубецкого со стороны небольшой группы советских лингвистов, которые занимаются фонологией, но странным образом отбрасывают с порога фундаментальные достижения Н. С. Трубецкого. Во-вторых, отстаиваемая мной концепция по своим методологическим установкам решительно противопоставляет как смешению понятия фонемы с понятием звукового типа, так и смешению фонологических проблем с морфологическими у лингвистов, нигилистически относящихся к трудам Н. С. Трубецкого.

В обсуждении моей статьи «Проблема фонемы» приняли участие лингвисты Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, С. И. Бернштейн, В. И. Лыткин, А. Н. Гвоздев, Л. Р. Зиндер, М. И. Магусевич, Э. А. Макаев, Н. А. Слюсарева, Г. Кирхнер (G. Kirch-

¹ N. S. T r u b e t z k o y, Über eine neue Kritik des Phonembegriffes, «Archiv für vergleichende Phonetik», 1937, стр. 151.

пер), Т. А. Бертагаев, М. В. Панов, Г. Г. Алекберли и философ А. Г. Спиркин. Все только что названные лица в своих статьях единодушно обрушились на отстаиваемую мной фонологическую концепцию, считая ее насквозь идеалистической. «Идеализм», «релятивизм», «антигисторизм», «абстрактный конструктивизм», «схολастика», «умозрительные, спекулятивные представления», «грубая схематизация и стилизация фактов», «типичный образец «бумажной фонетики», «беспредметное теоретизирование», «бесплодная игра мертвыми понятиями», «зады зарубежной идеалистической фонологии», «старый затасканный хлам буржуазной науки» — вот некоторые эпитеты из тех, которые были употреблены моими критиками для характеристики отстаиваемой мной фонологической концепции. Мы видим, что мои критики выступили против отстаиваемой мной фонологической концепции с решительным намерением изничтожить ее дотла. Я убежденный приверженец структурной лингвистики и считаю, что преданность делу истины, делу прогресса советского языкознания обязывает меня защищать идеи, против которых ополчились мои критики. Необходимо рассеять туман, окутывающий фонологию в нашей литературе.

Я не могу согласиться с моими критиками. Мои критики относятся к отстаиваемой мной фонологической концепции резко враждебно потому только, что они не понимают фундаментальных проблем современной фонологии. Между моими критиками существуют расхождения во взглядах. Но непонимание фундаментальных проблем современной фонологии представляет собой существенную черту, которая объединяет моих критиков в одну сплоченную группу и ставит их в резко враждебное отношение к отстаиваемой мной фонологической концепции.

Что мои критики не понимают фундаментальных проблем современной фонологии, это мы увидим ниже. А сейчас необходимо указать еще на вторую существенную черту, которая объединяет моих критиков в одну сплоченную группу и, кстати сказать, находится в прямой связи с первой чертой. Я имею в виду нигилистическое отношение моих критиков к лингвистическому наследству, которое оставил Н. С. Трубецкой. Главный труд Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» и другие его выдающиеся работы, вошедшие в состав восьми томов «Трудов Пражского лингвистического кружка», пристально изучаются во всем мире. Во Франции «Основы фонологии» недавно переведены на французский язык. Но мои критики не только не видят в Н. С. Трубецком создателя фонологии, но на деле вообще отрицают за трудами Н. С. Трубецкого какое-либо значение для науки. В этом отношении мои критики ничем не отличаются от «учеников» Н. Я. Марра, которые всячески шельмовали труды Н. С. Трубецкого. Надо сказать, что при этом «ученики» Н. Я. Марра не гнушались пользоваться аргументами, не имеющими никакого отношения к существу научных теорий. Вот, например, «ученица» Н. Я. Марра А. В. Десницкая в своей статье «Против формализма в учении о звуках речи» считала нужным указать в виде одного из сокрушительных доводов против фонологии, что Н. С. Трубецкой — князь, что Н. С. Трубецкой — типичный буржуазный ученый-космополит, отрекшийся от своей родины². Заметим мимоходом, что подобные аргументы применялись марровцами не только против работ Н. С. Трубецкого, но и против работ других русских ученых. Например, «ученик» Н. Я. Марра Ф. П. Филлин в своей статье «О двух направлениях в языковедении» громил научную концепцию выдающегося русского лингвиста А. А. Шахматова между прочим при помощи такого уничтожающего довода, что «Шахматов как «общественный деятель» был членом ЦК кадетской партии³. Что касается моих критиков, то, например, В. И. Лыткин считает, что «Трубецкой и иже с ним, сидя в Праге и в Вене, оторванные от русской действительности», могли заниматься только умозрительной фонологией⁴.

Мы знаем, что Н. С. Трубецкой — князь, который после Октябрьской революции эмигрировал из России за границу. Такова крайне неприглядная политическая физиономия Н. С. Трубецкого. Но вместе с тем Н. С. Трубецкой — выдающийся деятель науки о языке, труды которого продолжают логическую линию развития русской науки. Фонология представляет собой выдающийся вклад русской лингвистической науки в мировую науку о языке. Н. С. Трубецкого как человека больше не существует, так же как не существует больше в нашей стране того эксплуататорского, паразитического класса, представителем которого Н. С. Трубецкой был по своему социальному происхождению. Но труды Н. С. Трубецкого принадлежат русской науке. Н. С. Трубецкому, как и всякому другому буржуазному ученому, диалектический материализм был чужд, но отсюда вовсе не следует, что фонология, созданная Н. С. Трубецким, должна быть отвергнута с порога советской науки. Фонология, как и многое другое в буржуазной науке, должна быть не отвергнута с порога, а осмыслена с позиций диалектического материализма и на этой основе очищена от метафизической и идеалистической шелухи и поднята на качественно новую ступень.

В связи с только что сказанным мне кажется уместным вспомнить слова И. В. Сталина об анархистах: «Они знают, что Гегель был консерватором, и вот, пользуясь случаем, они во-всю бранят Гегеля как сторонника «реставрации»... Для чего

² См. «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. VIII, 1949, вып. 4, стр. 337.

³ «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. VII, 1948, вып. 6, стр. 491.

⁴ В. И. Лыткин, В какой языковой единице нуждается фонетика, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. XII, 1953, вып. 1, стр. 45.

они это делают? Вероятно, для того, чтобы всем этим дискредитировать Гегеля и дать почувствовать читателю, что у «реакционера» Гегеля и метод не может не быть «отвратительным» и ненаучным.

Таким путем анархисты думают опровергнуть диалектический метод. Мы заявляем, что таким путем они не докажут ничего, кроме собственного невежества. Паскаль и Лейбниц не были революционерами, но открытый ими математический метод признан ныне научным методом. Майер и Гельмгольц не были революционерами, но их открытия в области физики легли в основу науки. Не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку... Почему же нельзя признать тот факт, что, несмотря на консерватизм Гегеля, ему, Гегелю, удалось разработать научный метод, именуемый диалектическим?

Нет, этим путем анархисты не докажут ничего, кроме собственного невежества⁵.

Необходимо подчеркнуть, что большой вклад в развитие фонологии, в развитие структурной лингвистики внесли лингвисты стран народной демократии, и прежде всего лингвисты Чехословакии и Польши. Достижения чехословацких и польских лингвистов в области структурной лингвистики заслуживают пристального внимания со стороны советских лингвистов.

Перейдем теперь к систематическому разбору вопросов, возникших в результате полемики против отстаиваемой мной фонологической концепции.

2. Несостоятельность попыток подорвать закон функционального тождества

Одним из краеугольных камней отстаиваемой мной фонологической концепции служит известный принцип: звуки с одинаковыми дифференциальными признаками тождественны друг другу в функциональном отношении, то есть служат вариантами одной и той же фонемы; звуки с неодинаковыми дифференциальными признаками не тождественны друг другу в функциональном отношении и, стало быть, не принадлежат к одной и той же фонеме. Каким образом выводится этот принцип, показано у меня в статье «Проблема фонемы»⁶. В другой статье — «Против агностицизма в фонологии» я назвал данный принцип законом⁷. Так как всякий закон отличается всеобщностью и выражает существенные, необходимые связи между явлениями, у нас есть все основания считать этот принцип законом. В самом деле, положение о тождестве дифференциальных признаков у вариантов одной и той же фонемы, во-первых, действительно для всех языков мира, а во-вторых, оно выражает внутреннюю, необходимую связь между общим — фонемой и единственным — любым ее вариантом. В дальнейшем целесообразно называть только что рассмотренный принцип законом функционального тождества. Закон функционального тождества, как и всякий другой закон, позволяет нам проникнуть в глубь явлений и раскрыть их сущность, которая не дана нам в непосредственном, чувственном опыте. Закон функционального тождества говорит нам, что акустическое родство вариантов одной и той же фонемы есть что-то внешнее, не необходимое по отношению к тождеству дифференциальных признаков, которое единственно является существенным, необходимым. Вот почему возможны случаи, когда два совершенно разных звука служат вариантами одной и той же фонемы и, напротив, одинаковые звуки принадлежат к разным фонемам.

Если фонология поднимает изучение истории звуков языка на качественно новую ступень, то это происходит, прежде всего, благодаря тем следствиям, которые вытекают из закона функционального тождества. В статье «Проблема фонемы» я показал, что традиционная историческая фонетика не видит разницы между носовым гласным [ɛ] в польском литературном языке XVI в. и носовым гласным [ɛ̃] в современном польском литературном языке. Между тем диахроническая фонология, опираясь на закон функционального тождества, показывает, что носовой гласный [ɛ̃] в XVI в. представлял собой самостоятельную фонему, а в современном языке служит всего только вариантом сочетания фонем [en] или [em] (стр. 341). Таким образом, закон функционального тождества позволяет отличить в истории звуков языка сущность явлений от их внешней видимости.

С признанием закона функционального тождества и всех следствий, вытекающих из этого закона, не совместимы ни та, с позволения сказать, теория фонем, которой занимаются такие последователи Л. В. Щербы, как А. Н. Гвоздев, С. И. Бернштейн, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, В. И. Лыткин, ни теория вариаций и вариантов, которая изложена в работах московских лингвистов Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова и А. А. Реформатского. Вот почему все только что названные лингвисты (кроме В. Н. Сидорова и П. С. Кузнецова, не принявших участия в дискуссии) сосредоточили свои главные усилия на том, чтобы подорвать, дискредити-

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 302—303.

⁶ См. «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. XI, 1952, вып. 4, стр. 328—330.

⁷ См. «Уч. зап. Моск. ун-та», вып. 150, Русский язык, М., 1952, стр. 316.

ровать закон функционального тождества, который, как я уже сказал, является одним из краеугольных камней отстаиваемой мной фонологической концепции. Мы сейчас увидим, что закон функционального тождества мои критики так и не опровергли, а только показали, что они не понимают проблему тождества — центральную проблему современной фонологии.

Главное возражение, которое выдвигается против закона функционального тождества, заключается в том, будто бы в корне ошибочно смотреть на дифференциальные признаки как на существенные признаки фонемы. Так, С. И. Бернштейн пишет: «Правоммерно ли ставить знак равенства между «дифференциальными» признаками фонемы и существенными ее признаками? Правоммерно ли утверждать, что «недифференциальные» признаки для фонетической единицы, с точки зрения назначения языка как орудия общения, несущественны, что существенны только те признаки, которые «отражают отношение фонем друг к другу, различительную функцию фонем»? Ответ на эти вопросы может быть только отрицательным»⁸.

С. И. Бернштейн обосновывает свою точку зрения тем, будто бы фонема обладает не только функцией различения слов, но и не менее существенной для нее функцией словоупотребления. Функция словоупотребления — это мена звуков, которая «происходит вне непосредственной зависимости от изменения значений, но существенна для словоупотребления, которое опирается на употребление в каждой позиции соответствующего ей варианта фонемы. Применение варианта, не соответствующего позиции, может сделать слово неузнаваемым: ср. русское слово *мел*, произнесенное с узким *e* вместо широкого: [m'eɪ] вместо [m'eɪ]»⁹.

До сих пор фонетисты в простоте души говорили о комбинаторных изменениях звуков в речевом потоке, но теперь-то мы знаем, что это не просто комбинаторные изменения, а функция словоупотребления. Оказывается, что разница между широким [ɛ] в слове *мел* и узким [e] в слове *тень* обусловлена не соседством с окружающими звуками, не физиологическими причинами, а функцией словоупотребления, то есть необходимостью для говорящих узнавать эти слова. Нетрудно видеть, что С. И. Бернштейн явно подменяет лингвистический анализ психологическими соображениями, имеющими никакого отношения к делу. Действительно: о чем говорит тот факт, что слово *мел*, произнесенное с узким [e] вместо широкого [ɛ], может сделаться неузнаваемым. Только о том, что для восприятия говорящих непривычно сочетание узкого [e] с твердыми согласными. Мнимая функция словоупотребления, которую С. И. Бернштейн примышляет к комбинаторным изменениям звуков в речевом потоке, есть на самом деле не что иное, как психологическая особенность восприятия, в силу которой для говорящих одни сочетания звуков являются привычными, а другие — нет. Конечно, эта психологическая особенность восприятия обусловлена объективными факторами, но объективные факторы заключаются в чисто физиологических условиях произношения звуков в речевом потоке, а не в несуществующей функции словоупотребления.

Допустим, однако, на мгновение, что функция словоупотребления существует в действительности и что, как думает С. И. Бернштейн, эта функция словоупотребления существенна для фонемы не менее, чем функция различения слов. Тогда выходит, что акустическая разница между широким [ɛ] и узким [e] в русском языке не менее существенна, чем во французском. Ведь если во французском языке звуки [ɛ] и [e] имеют разную различительную функцию, то в русском языке они должны иметь, согласно С. И. Бернштейну, разную функцию словоупотребления. Но в том-то и дело, что, хотя в русском языке [ɛ] и [e] обладают, по С. И. Бернштейну, равной функцией словоупотребления, они не становятся от этого ни разными, ни одинаковыми фонемами. Если бы С. И. Бернштейн понимал существо проблемы тождества, он видел бы, что только дифференциальные признаки имеют решающее значение для определения принадлежности звуков к одной и той же или к разным фонемам, а не те несущественные акустические различия, которые он хочет возвести в ранг существенных с помощью мнимой функции словоупотребления.

Заметим мимоходом, что С. И. Бернштейн, говоря о функции словоупотребления, не упоминает А. А. Реформатского. Между тем справедливость требует признать, что приоритет в деле открытия функции словоупотребления принадлежит именно А. А. Реформатскому, который для обозначения этого понятия пользовался термином «перцептивная функция»¹⁰.

Для того, чтобы опорочить отстаиваемую мной фонологическую концепцию, С. И. Бернштейн возводит ее к Ф. де Соссюру и затем, ухватившись за мнимые и действительные ошибки Ф. де Соссюра, приписывает эти ошибки мне.

У меня говорится, что для литовской фонемы [k] признак смычности не является дифференциальным, так как в литовском языке нет соответствующей фрикативной фонемы [x] («Проблема фонемы», стр. 330). Аналогичный вывод можно сделать и о французской фонеме [k]. По этому поводу С. И. Бернштейн пишет: «Как близка эта концепция к классическому продукту идеалистической фонологии, заслуживающему

⁸ С. И. Бернштейн, Против идеализма в фонетике, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. XI, 1952, вып. 6, стр. 541.

⁹ Там же, стр. 549.

¹⁰ См. А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1947, стр. 55.

названия «фонологического софизма де Соссюра!»¹¹. Прежде всего непонятно, каким образом «фонологический софизм де Соссюра» может быть «классическим продуктом идеалистической фонологии», если Ф. де Соссюр писал до возникновения какой бы то ни было фонологии. Статья С. И. Бернштейна густо насыщена цитатами и многочисленными ссылками на высказывания отечественных и иностранных лингвистов, которые С. И. Бернштейн толкует вкрявь и вкось. Как же это С. И. Бернштейну, при всей его фундаментальной эрудиции, неизвестно, что Ф. де Соссюр употребляет термин «фонология» в смысле физиологии звуков речи? Фонология, составляющая отдел «Курса общей лингвистики» де Соссюра, есть в действительности не что иное, как физиология звуков речи. Термин «фонология» в смысле физиологии звуков речи употреблял вслед за Ф. де Соссюром также известный французский фонетист М. Граммон. В основном разделе «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра содержатся важные высказывания о структуре языка и, в частности, о структуре звуковой стороны языка, но эти высказывания сами по себе далеко еще не составляют фонологии. Одно из таких высказываний и называет С. И. Бернштейн «фонологическим софизмом Ф. де Соссюра», к рассмотрению которого мы сейчас перейдем.

«Язык, — пишет Ф. де Соссюр, — требует только различения, а отнюдь не того — как можно было бы вообразить, — чтобы у каждого звука всегда было одинаковое количество. Я даже могу произносить французское г как немецкое sh в словах *Vach, doch* и т. п., но по-немецки я не могу заменять г через sh, так как в этом звуке имеются оба элемента, которые и должны различаться. Так и по-русски не может быть свободы в произношении t наподобие t' (смягченного t), потому что в результате получилось бы смешение двух различаемых в языке звуков (ср. *говорить* и *говорит*), но может быть допущено отклонение в сторону th (придыхательного t), так как этот звук не значит в системе фонем русского языка»¹².

В этом высказывании содержится идея о дифференциальных признаках фонем, хотя Ф. де Соссюр и не пользуется термином «дифференциальные признаки». Сходную идею высказал еще раньше И. А. Бодуэн де Куртене, который различал у фонем семасиологизованные и несемасиологизованные элементы. Приводя это высказывание, С. И. Бернштейн делает вывод, что будто бы Ф. де Соссюр думал, что говорящие по-французски могут произносить sh вместо г, а говорящие по-русски — th вместо t. Сделав этот вывод и сопоставив мое рассуждение о дифференциальных признаках фонемы [k] с высказыванием Ф. де Соссюра, С. И. Бернштейн пишет: «Так и из литовско-французского примера, которым оперирует С. К. Шаумян, логически вытекает, что, посылкою смычность для литовской, как и для французской фонемы [k] несущественна, — по-литовски и по-французски вместо [k] можно произносить [x]. И далее: «Во всякой правильной теории все вытекающие из нее следствия рано или поздно подтверждаются на практике», — пишет С. К. Шаумян, — и нельзя с ним в этом не согласиться. Но вот вопрос: встречается ли в практике литовской речи замена звука [k] через [x]? И еще: поймет ли француз французское слово, если кто-нибудь вздумает произнести его не [ra : r] (*rage*), а [x a : x], или не [ka : r] (*car*), а [xa : r]?»¹³.

У Ф. де Соссюра наряду с правильными положениями встречаются и ошибочные, однако в данном случае я должен защитить Ф. де Соссюра от того вздора, который приписывает ему С. И. Бернштейн. Когда Ф. де Соссюр говорит, что он может произносить французское г как немецкое sh, но по-немецки не может заменить г через sh, то слово «могу» вовсе не означает, будто бы говорящие по-французски могут произвольно заменять французское г немецким sh. Слово «могу» Ф. де Соссюр употребил в чисто дидактических целях, для того чтобы сделать наглядной принципиальную разницу между дифференциальными признаками и теми акустическими свойствами фонемы, которые несущественны для различения слов. И наличие этой принципиальной разницы действительно подтверждается на практике. Вот, например, Л. В. Щерба указывает, что французы в провинции произносят такое [r], которое близко к русскому [r], но в Париже звук [r] произносится или как «звонкое, но бесшумное x», или как «своего рода ^{o1} турецких языков, армянского, грузинского, арабского и т. п., но тоже совершенно бесшумное»¹⁴. Такое варьирование фонемы [r] возможно только потому, что во французском языке отсутствует как «звонкое, но бесшумное x», так и ^{o1}. Другой пример: в тамильском языке фонема [k] произносится между гласными в большинстве случаев как [x]¹⁵. Если бы в тамильском языке существовала фонема [x], то подобное произношение фонемы [k] было бы невозможно, потому что в этом случае фонема [k] совпала бы с фонемой [x]. Таким образом, логическим следствием из теории дифференциальных признаков является не тот вздор, будто бы говорящие могут по своему произволу изменять произношение фонем, а потенциальные возмож-

¹¹ С. И. Бернштейн, назв. статья, стр. 541.¹

¹² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, пер. А. М. Сухотина, М., 1933, стр. 118.

¹³ С. И. Бернштейн, назв. статья, стр. 542.

¹⁴ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М., 1948, стр. 75.

¹⁵ См. Н. Вейтман, Praktische Grammatik der Tamilsprache, Leipzig, 1943, стр. 26.

ности варьирования фонем, которые осуществляются на деле в одних языках и не осуществляются в других.

Пойдем, однако, дальше. Ф. де Соссюр правильно установил, что сущность фонем выражается в их дифференциальных признаках. Но из этого правильного положения Ф. де Соссюр сделал произвольный, в корне ложный вывод, будто бы фонема нематериальна. Он указывает, что фонема есть «нечто бестелесное, образуемое не своей материальной субстанцией, а исключительно теми различиями (différences), которые отделяют ее акустический образ от прочих»¹⁶. Поверив Ф. де Соссюру в логической неизбежности этого идеалистического вывода, С. И. Бернштейн пишет: «Почему не делает этого вывода С. К. Шаумян? Ведь его характеристика фонемы при помощи «совокупности дифференциальных признаков», как было показано выше, логически приводит к сосюрскому положению о «дифференциальности», исчерпывающей сущность фонемы и обуславливающей ее «бестелесность»¹⁷. А не делаю я этого вывода потому, что помню указание В. И. Ленина: «Ни одному из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии»¹⁸. Вместо того, чтобы отделить положительное содержание фонологии от его идеалистических извращений, С. И. Бернштейн верит выдумке буржуазного профессора и, повторяя за ним идеалистический вздор, пытается этим путем подорвать неопровержимое положение о том, что сущность фонемы выражается в дифференциальных признаках. На точке зрения С. И. Бернштейна стоит и философ А. Г. Спиркин, который в своей статье «Проблема фонемы и ленинская теория отражения»¹⁹, критикуя закон функционального тождества, считает, что признание дифференциальных признаков сущностью фонемы ведет к агностицизму и идеализму.

Как же получилось, что Ф. де Соссюр пришел к выводу, что фонемы нематериальны? Дело в том, что для Ф. де Соссюра материальное в отношении звуковой стороны языка тождественно с физической природой звуков. Поэтому, когда Ф. де Соссюр столкнулся с тем фактом, что сущность фонем не сводима к физической природе звуковой стороны языка, то он и объявил фонемы нематериальными. Сходным образом поступают те физики-идеалисты, которые, отождествляя материю с веществом, противопоставляют свет материи и говорят, что свет нематериален. Для обозначения процесса превращения вещества в свет эти физики пользуются термином «аннигиляция» от латинского слова nihil «ничто»²⁰.

В статье «Проблема фонемы» я писал, что «необходимо строго отличать функциональное тождество от физического» и что «соображения о физическом сходстве или несходстве звуков не имеют ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме» (стр. 329). Если стать на точку зрения Ф. де Соссюра или таких идеалистов, как Л. Ельмслев или философ Р. Карнап, то здесь можно объявить, что «материя исчезла», осталась одна нематериальная функция. Но в том-то и дело, что функциональные свойства звуков языка столь же материальны, как материальны чисто физические свойства звуков. Этого не хотят или не могут понять ни С. И. Бернштейн, ни А. Г. Спиркин, ни другие мои критики. Так, А. Г. Спиркин пишет, что, с точки зрения С. К. Шаумяна, «физическое сходство или несходство звуков не имеет ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме. Все дело, согласно С. К. Шаумяну, в тождестве функций, а не в сходстве звуков. Но ведь если тождество функций не обусловлено сходством звуков, то функции повисают в воздухе, они оказываются оторванными от их материального носителя — звуков речи!»²¹.

Вместо того, чтобы вслед за буржуазными профессорами слепо повторять идеалистический вздор о нематериальности различительной функции звуков языка, А. Г. Спиркину, С. И. Бернштейну и другим моим критикам следовало бы вдуматься в анализ специфики фонем как знаков для различения слов, приведенный на стр. 328—330 моей статьи «Проблема фонемы».

Вот табличка комбинаторных изменений фонем в закрытом и открытом слоге, показанная у меня на стр. 328.

В закрытом слоге		В открытом слоге
[i]	←————→	[e]
[e]	←————→	[æ]
[æ]	←————→	[a]

¹⁶Ф. де Соссюр, назв. произв., стр. 117.

¹⁷С. И. Бернштейн, назв. статья стр. 544.

¹⁸В. И. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 327—328.

¹⁹«Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. XI, 1952, вып. 5.

²⁰См. С. И. Вавилов, Философские проблемы современной физики в сб. «Философские проблемы современной физики», М., 1952, стр. 25.

²¹А. Г. Спиркин, назв. статья стр. 477.

Проблему тождества, то есть проблему сходств и различий между данными гласными можно рассматривать с двух точек зрения: с физической и функциональной. Если рассматривать эти гласные как чисто физическое явление, то, например, гласные [i] и [e] надо считать разными звуками, а гласный [e] в первом ряду и гласный [e] во втором ряду — одинаковыми звуками. Так решается проблема тождества в чисто физическом аспекте. Но если подойти к этим гласным с функциональной точки зрения, то вопрос о сходствах и различиях решается противоположным образом. В этом случае гласные [i] и [e] будут тождественны друг другу, а гласный [e] в первом ряду и гласный [e] во втором ряду, напротив, должны считаться разными единицами, разными фонемами. В чем тут дело? Уж нет ли тут какой мистики? Нет, никакой мистики здесь нет. Когда мы становимся на функциональную точку зрения, то вопрос о физических сходствах и различиях между звуками вовсе не снимается, но переносится в новую качественную плоскость. В самом деле: почему с функциональной точки зрения гласные [i] и [e] тождественны друг другу? А потому, что разница между гласным [i] и гласными [e] и [æ] в первом ряду точно такая же, как между гласным [e] и гласными [æ] и [a] во втором; ведь гласные [i] и [e] являются самыми закрытыми гласными каждый в своем ряду. Здесь мы объединяем звуки [i] и [e] не на основании их прямого физического сходства, а на основании одинаковой физической разницы между каждым из этих гласных и остальными гласными в соответствующих рядах. Эта физическая разница есть такой же материальный факт, как и прямое физическое сходство или несходство между звуками. Только это — материальный факт совершенно иного порядка. С функциональной точки зрения важно не прямое физическое сходство, а одинаковая физическая разница, потому что в этой одинаковой физической разнице проявляется специфика звуков как знаков для различения слов. На этом основании гласный [e] в первом ряду и гласный [e] во втором ряду не тождественны друг другу в функциональном отношении и представляют собой разные единицы. Почему? Потому что физическая разница между гласным [e] в первом ряду и остальными гласными этого ряда не тождественна физической разнице между гласным [e] второго ряда и остальными гласными того же ряда: в первом ряду звук [e] сравнительно с остальными гласными является гласным второй степени открытости и тем самым соответствует гласному [æ] второго ряда, тогда как во втором ряду звук [e] представляет собой гласный первой степени открытости, соответствуя гласному [i] первого ряда. Для решения проблемы тождества звуков как знаков для различения слов прямое физическое сходство или несходство звуков не имеет никакого значения; нас должны интересовать только факты одинаковой или неодинаковой физической разницы между данными звуками и остальными звуками в соответствующих позиционных рядах. Однако факты одинаковой или неодинаковой физической разницы между звуками тоже относятся к материальным фактам, но к таким материальным фактам, в которых проявляется специфика звуков как знаков для различения слов. Это и есть функциональная качественная плоскость звуковой стороны языка, служащая предметом фонологии. Тождество дифференциальных признаков двух данных звуков, взятых в разных позиционных рядах, есть не что иное, как тождество физической разницы между каждым из этих звуков и остальными звуками в соответствующем позиционном ряду. Выходит, что признавать закон функционального тождества вовсе не означает признавать какую-то бесплотную, нематериальную различительную функцию, повисшую где-то в воздухе, как думают А. Г. Спиркин, С. И. Бернштейн и другие мои критики. Различительная функция звуков языка представляет собой материальный факт, и изучение сущности этого материального факта и составляет задачу фонологии.

Конечно, буржуазные профессора могут объявлять различительную функцию нематериальной и видеть в этом обстоятельстве новое подтверждение тезиса современной идеалистической философии о том, что «материя исчезла», что понятие материи устарело. Но неужели А. Г. Спиркин, С. И. Бернштейн и другие мои критики думают, что борьба с идеализмом заключается в том, чтобы, смешивая положительное содержание науки с его идеалистическими извращениями, отбрасывать это положительное содержание и тем тормозить прогресс науки? Если действовать по рецепту моих критиков, то, пожалуй, придется объявить недействительным закон инерции, открытый Ньютоном, на том основании, что Ньютон пришел к идеалистическому выводу, что «движущиеся тела не испытывают сопротивления от вездесущия божия»²². Если основатель теории относительности физик Эйнштейн, основатели квантовой механики Бор, Гейзенберг и другие буржуазные физики-идеалисты отрицают объективное значение за категориями причинности, времени и пространства, если мракобесы, вроде английского физика Эддингтона, «выводят» из законов квантовой механики «свободу воли» у электронов, то по рецепту моих критиков придется объявить недействительным положительное содержание теории относительности и квантовой механики. Господство идеалистического мировоззрения всегда пагубно отражалось на прогрессе науки. Это идеалисты в борьбе против материализма преследовали Галилея, сожгли на костре Джордано Бруно. Это идеалисты в борьбе против материализма

²² И. Ньютон. Математические начала натуральной философии, пер. А. Н. Крылова, П., 1916, стр. 590.

преследовали дарвинизм. Это идеалист-мракобес князь Мещерский в борьбе против материализма писал донос, что Тимирязев «на казенный счет изгоняет бога из природы». Что же касается диалектического материализма, то он ведет беспощадную войну против идеализма именно во имя утверждения научного прогресса. Объявлять недействительным положительное содержание науки на основании его идеалистических извращений со стороны выдающихся деятелей буржуазной науки — это не значит вести борьбу против идеализма. Это значит играть на руку врагам научного прогресса, врагам диалектического материализма.

Пойдем дальше. Как показано в пятой главе моей статьи «Проблема фонемы» (стр. 337—340), из признания закона функционального тождества вытекает с логической неизбежностью понятие смешанной фонемы. Понятие смешанной фонемы в корне подрывает небезызвестную теорию вариаций и вариантов, приверженцами которой являются московские лингвисты Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский. В качестве довода против смешанной фонемы и в защиту теории вариаций и вариантов А. А. Реформатский пишет: «Как раз точка зрения на варианты не как на особые фонемы (хотя бы и «смешанные»), а именно как на варианты тех или иных фонем и есть признание функционального тождества, только с ослабленной смысло-различительной способностью»²³.

Чтобы разобраться в доводе А. А. Реформатского, не надо забывать, что у А. А. Реформатского, как и у остальных приверженцев теории вариаций и вариантов, термин «вариация» совпадает с общепринятым термином «вариант». Освободившимся же таким образом термином «вариант» А. А. Реформатский пользуется для обозначения звуков в слабом положении, возникших из соответствующих звуков в сильном положении. С этой точки зрения в словах *дуга* [dugá], *ноге* (nag'è), *ног* [nok] звуки [g] и [g'] являются вариациями, а звук [k] — вариантом фонемы [g]. Возникает вопрос: откуда А. А. Реформатский взял, что если считать, скажем, звук [k] в слове *ног* [nok] вариантом фонемы [g], то это «и есть признание функционального тождества только с ослабленной смысло-различительной способностью»? Подобное утверждение можно объяснить только непониманием проблемы тождества и поверхностным знакомством А. А. Реформатского с методом анализа дифференциальных признаков фонем, который, как известно, подробно разработан в «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого. В самом деле, допустим, что звук [k] в слове *ног* [nok] есть фонема [g] с ослабленной различительной способностью. Но если стать на такую точку зрения, почему же нельзя допустить, что этот же звук [k] есть просто фонема [k], но тоже с ослабленной различительной способностью. Ведь если для фонемы [k]; скажем, в слове *рука* [ruká] глухость есть дифференциальный признак, то для звука [k] в слабом положении глухость уже не есть дифференциальный признак. Одно из двух: или надо последовательно держаться анализа дифференциальных признаков, и тогда всякие разговоры о тождестве звука [k] в слове *ног* [nok] с фонемой [g] лишены какого бы то ни было основания, или надо отказаться от последовательного анализа дифференциальных признаков и ссылаться на чисто морфологические критерии; но ссылка на морфологические критерии есть не что иное, как переодевание в фонологическую терминологию общеизвестного учения о звуковых чередованиях — переодевание, свидетельствующее о непонимании фонологической проблемы тождества.

О том, что А. А. Реформатский не понимает проблемы тождества и становится в тупик, когда необходимо применять анализ дифференциальных признаков на деле, свидетельствует также следующий вопрос А. А. Реформатского по поводу таблицы комбинаторных изменений фонем, приведенной уже выше (стр. 534).

А. А. Реформатский спрашивает: «Почему эти два [e] и два [æ] представляют собой разные фонемы, а не одну «смешанную фонему?»²⁴. А потому, что в обеих позициях количество фонем одинаковое. Смешанные фонемы возникают только в слабых позициях, именно там, где количество фонем уменьшается. Например, если в русском языке в сильных позициях различается шесть твердых смычных фонем — [k], [g], [t], [d], [p], [b], то в слабой позиции, а именно — в конце слова, противопоставляется друг другу только три глухие смычные фонемы — [k], [t], [p]. Вот тут-то и возникает необходимость говорить о смешанных фонемах, так как, скажем, фонема [k] в данном положении не тождественна по своим дифференциальным признакам ни фонеме [k] в сильных позициях, ни фонеме [g] и поэтому должна считаться вариантом смешанной фонемы [k/g]. Ясно, что владение методом анализа дифференциальных признаков есть обратная сторона понимания проблемы тождества.

Таковы главные возражения против закона функционального тождества. В рамках настоящей статьи невозможно, да, впрочем, и нет никакой необходимости, останавливаться на разборе остальных возражений, выдвинутых моими критиками. Ознакомившись с разбором главных возражений, всякий читатель, привыкший самостоятельно мыслить, сам без труда разберется в остальных возражениях и убедится на деле в неопровержимости закона функционального тождества — одного из основных законов фонологии.

²³ А. А. Реформатский, К проблеме фонемы и фонологии, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. XI, 1952, вып. 5, стр. 472.

²⁴ Там же, стр. 473.

3. Терминологические фокусы по поводу фонологии

Мои критики не очень убеждены, что им удастся опровергнуть отстаиваемую мной фонологическую концепцию путем общепринятых приемов научной аргументации. Поэтому они не останавливаются перед тем, чтобы, ухватившись за некоторую терминологическую неупорядоченность современной науки о звуках языка, объявить при помощи игры в слова, что отстаиваемая мной фонологическая концепция ведет к ликвидации фонетики.

В своей статье я писал: «Понятие фонемы вызвало перелом в развитии фонетики. Традиционная фонетика сводилась к физиологии и акустике звуков речи. С открытием же фонемы возникла необходимость создать особую дисциплину, занимающуюся исследованием функциональной природы звуков. На необходимость создания такой дисциплины указал впервые И. А. Бодуэн де Куртене. Идею Бодуэна де Куртене осуществил на деле другой русский ученый — Н. С. Трубецкой, который и назвал новую дисциплину фонологией, оставив за физиологией и акустикой звуков речи прежнее название фонетики» (стр. 332). По этому поводу А. А. Реформатский пишет, что он считает неправильной установкой «о наличии двух наук: фонетики и фонологии»²⁵. А С. И. Бернштейн объявляет: «При том понимании «фонетики», которое проповедует, вслед за своими первоисточниками, С. К. Шаумян, фонетика не только лишается лингвистического содержания, но и вообще перестает существовать»²⁶.

Подобные рассуждения моих критиков основаны, прежде всего, на смешении широкого и узкого значения термина «наука». Термин «наука» в широком смысле слова означает отдельную самостоятельную отрасль знания, например физику, химию, языковедение. Но в узком смысле слова термин «наука» может означать какой-нибудь отдел науки. Например, языковедение есть наука, но отделы языковедения тоже называются науками, когда говорят, что грамматика или лексикология есть науки. Отделы грамматики — морфологию и синтаксис тоже часто называют науками. Вот, например, П. С. Кузнецов пишет: «Грамматика подразделяется на *морфологию* и *синтаксис*. Морфология — наука об изменении слов, т. е. о строении отдельного слова; синтаксис — наука о сочетании слов в предложении»²⁷. Когда у меня говорится о фонологии и фонетике как о двух дисциплинах или науках, то имеется в виду только следующее: наука о звуках языка, или фонетика в широком смысле, подразделяется на два отдела — на фонологию и физиологию звуков речи, или фонетику в узком смысле слова.

Теперь возникает вопрос: почему С. И. Бернштейн объявляет, что я ликвидировал фонетику? Для этого необходимо обратиться к другим его работам. Вот, например, в статье «Фонетика», помещенной в «Литературной энциклопедии», он пишет, что фонетика расчленяется так, что в ней различаются: антропофоника (физиология звуков речи), изучающая производительную (собственно физиологическую) и слуховую (акустическую) сторону языка, и фонология, изучающая использование звуков для выражения значений — для образования слов и фраз. И далее: «Фонетическим элементом в антропофонике является отдельный звук речи, в фонологии — фонема»²⁸. Теперь ясно, в чем дело. Назвав физиологию звуков речи не антропофоникой, как это делает С. И. Бернштейн, а фонетикой, я, так сказать, ликвидировал термин «фонетика» в широком смысле слова. Ну, а этого С. И. Бернштейну достаточно, чтобы объявить, что Шаумян вслед за Трубецким ликвидировал фонетику как науку.

Очень оригинален также следующий фокус А. А. Реформатского: «С точки зрения советского языковедения, — пишет А. А. Реформатский, — никакого противопоставления фонетики и фонологии делать не следует. Просто фонология — это более высокая, совершенная ступень фонетики». И далее: «В этом смысле совершенно безразлично — называть ли этот раздел лингвистики «фонология» или по-старому «фонетика»²⁹. Здесь А. А. Реформатский сперва произвольно расширяет термин «фонология» до понятия фонетики в широком смысле слова, а затем предлагает заменить термин «фонология» термином «фонетика». Но суть дела от этого несколько не меняется. Суть же дела состоит в том, что при изучении звуковой стороны языка необходимо строго различать и не смешивать друг с другом две качественные плоскости: функциональную и физическую. Смешение этих двух качественных плоскостей не оправдать никакими терминологическими фокусами! Не поможет здесь и тот апломб, с которым А. А. Реформатский объявляет точкой зрения советского языковедения свои индивидуальные словесные упрямства.

4. Фонология и ломка устарелых традиций в языковедении

Как мы видели, резко враждебное отношение моих критиков к отстаиваемой мной фонологической концепции объясняется тем, что мои критики не понимают проблемы тождества, не признают закона функционального тождества.

²⁵ А. А. Реформатский и, назв. статья, стр. 471.

²⁶ С. И. Бернштейн, назв. статья, стр. 546.

²⁷ Статья «Грамматика», БСЭ, изд. 2, т. XII, 1952, стр. 423.

²⁸ «Литературная энциклопедия», т. XI, 1939, стр. 797—798.

²⁹ А. А. Реформатский и, назв. статья, стр. 471.

Возникает вопрос: какова общая причина, в силу которой мои критики не в состоянии понять проблему тождества в фонологии?

Дело в том, что возникновение фонологии связано с крутой ломкой устарелых традиций в языкознании. Крутую ломку претерпевают не только старые установившиеся понятия, но прежде всего самые приемы исследования. С одной стороны, мои критики хотят работать и работают в области фонологии, но, с другой стороны, они не в силах порвать с устарелыми традициями языкознания, в рамках которых они воспитаны. Между тем фонология требует решительного разрыва с устарелыми традициями. Вот что писал по этому поводу основатель фонологии Н. С. Трубецкой: «И. Бодуэн де Куртене, повидимому, не отдавал себе ясного отчета в той чрезвычайной важности, которую имело открытие разницы между звуком и фонемой, в той революции, которую это открытие должно было произвести в области изучения конкретных языков. Отсюда известная нерешительность в тех случаях, когда, чтобы быть последовательным, нужно было резко порвать с традиционной точкой зрения. Этот недостаток решительности сузил область применения теории и тем задержал ее развитие. Новое поколение фонологов отличается прежде всего решительностью при рассмотрении проблем фонологии и смелостью, с которой оно разрабатывает фундаментальные теории фонологии, не останавливаясь перед всеми вытекающими из них следствиями»³⁰. А вот, например, как подходит к делу Р. И. Аванесов, один из моих критиков. Рассматривая мой тезис, что «соображения о физическом сходстве или несходстве звуков не имеют ровно никакого значения для решения вопроса об их принадлежности к той или иной фонеме», Р. И. Аванесов иронически замечает: «Все решается только функциональной стороной»³¹. А дальше рассуждает в том духе, что, дескать, «функциональная сторона, конечно, очень важна», но все-таки при решении проблемы тождества надо считаться также и с соображениями о физическом сходстве или несходстве звуков. Выходит так: с одной стороны, должно признаться, что функциональная сторона важна, а с другой; нельзя не сознаться, что и соображения о физическом сходстве или несходстве звуков тоже важны. Понимает ли Р. И. Аванесов, что он говорит? Ведь подобные рассуждения содержат в себе такое же внутреннее противоречие, как понятие горячего льда или сухой воды. Не «с одной стороны», «с другой стороны», а со всех сторон фонология занимается только функциональной качественной плоскостью звуков языка и ничем иным. Все дело в том, что, встав на функциональную точку зрения, Р. И. Аванесов боится сделать все те выводы, к которым обязывает его функциональная точка зрения, потому что ему придется резко порвать с традиционными взглядами на звуки языка. Обнаруживая трусость перед логикой, Р. И. Аванесов сходит на путь эклектизма.

Формула «с одной стороны, должно признаться, с другой — нельзя не сознаться» красной нитью проходит через все рассуждения моих критиков. Именно эта формула приводит к смешению фонемы со звуковым типом, к смешению фонологических проблем с морфологическими, к невероятной путанице и неразберихе.

Конечно, эклектизм эклектизму рознь. Так, фонологическая концепция Н. С. Трубецкого не лишена эклектизма. Но эклектизм Н. С. Трубецкого объясняется тем, что в борьбе с устарелыми традициями в науке Н. С. Трубецкий не был в состоянии сразу освободиться от оков плоского эмпиризма. Если бы диалектический материализм не был чужд Н. С. Трубецкому, то нет никакого сомнения, что эта борьба проходила бы значительно успешнее и Н. С. Трубецкий делал бы гораздо меньше ошибок, из которых иные толкали его на путь идеализма. Что же касается моих критиков, то эклектизм моих критиков связан не с борьбой против устарелых традиций, а с тем, что столкнувшись с новыми идеями в науке, мои критики стараются подвести их под привычные им представления.

Сила устарелых традиций в языкознании, мешающая развитию фонологии, заключается не только в традиционных взглядах на природу звуков языка, но и в самих приемах исследования. В языкознании до сих пор господствует универсальный индуктивизм, который Энгельс подверг уничтожающей критике в «Диалектике природы». Фонология требует решительного соединения дедуктивных приемов исследования с индуктивными. И в этом отношении у фонологии есть чему поучиться также и лингвистам, работающим в области грамматик.

Мои критики работают в области теории фонем, но не хотят овладеть дедуктивными приемами исследования. Вот, например, что пишет Р. И. Аванесов, критикуя мою статью: «Важнейшие положения статьи, даже в тех случаях, когда они заслуживают известного внимания, строятся не на основании анализа конкретного языкового материала, а на абстрактных и произвольных допущениях»³². «Схоластические рассуждения», «голое беспредметное теоретизирование» — вот эпитеты, которыми удостоивает Р. И. Аванесов дедуктивные приемы исследования. Эти слова Р. И. Аванесова говорят о том, что в отношении дедуктивных приемов исследования он находится в состоянии девственной невинности.

³⁰ N. S. Trubetzkoy, La phonologie actuelle, «Journal de psychologie normale et pathologique», Paris, 1933, стр. 242.

³¹ Р. И. Аванесов, К вопросу о фонеме, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. XI, 1952, вып. 5, стр. 466.

³² Р. И. Аванесов, назв. статья, стр. 465.

В рамках настоящей статьи невозможно сколько-нибудь подробно останавливаться на обосновании дедуктивных приемов исследования в фонологии. Однако для того, чтобы убедиться, что марксистски понятые дедуктивные приемы исследования не имеют ничего общего с абстрактными и произвольными допущениями, рассмотрим, например, каким образом доказывается закон функционального тождества. За исходный пункт нашего анализа мы принимаем два твердо установленных факта: 1) для различения слов достаточно, чтобы фонемы не смешивались друг с другом; 2) всякая фонема подвергается комбинаторным изменениям в речевом потоке. Опираясь на эти бесспорные положения, полученные индуктивным путем, мы делаем из них необходимые дедуктивные выводы. «Если наши предпосылки верны, — пишет Энгельс, — и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности»³³. Опираясь на только что указанные предпосылки, мы вправе теоретически представить себе язык, в котором в артикуляции фонем [i], [e], [æ] допуская сдвиг на одну ступень открытости в открытых слогах. В результате мы получаем систему, показанную на стр. 328 моей статьи «Проблема фонемы» и приведенную уже выше в настоящей статье на стр. 534.

Дальнейший анализ отношений между фонемами, показанными на этой таблице, приводит нас к формулировке закона функционального тождества (стр. 328—330). Моим критикам следовало бы вдуматься в логическое движение этого анализа. Где здесь «произвольные допущения» и «беспредметное теоретизирование»? Где здесь «абстрактный конструктивизм, оторванный от реальных фактов языка», о котором говорит философ А. Г. Спиркин, понимающий в дедуктивных приемах исследования столько же, сколько и остальные мои критики?

Положение, что для различения слов достаточно, чтобы фонемы не смешивались друг с другом, и положение, что в речевом потоке фонемы подвергаются комбинаторным изменениям, подтверждаются бесконечным множеством фактов в любом языке. Стало быть, именно мой критики не хотят считаться с реальными фактами языка, когда отвергают закон функционального тождества.

Дедуктивные приемы — могучее орудие исследования там, где внешняя сторона явлений заслоняет от нас их сущность. Так, в нашем случае сущность тождества вариантов фонемы заключается в тождестве их дифференциальных признаков. Но эта сущность была заслонена от нас внешней стороной явления — физическим сходством вариантов фонемы. Мы прибегли к силе абстракции и построили систему, где физическое сходство вариантов фонем устранено и сущность тождества дана в чистом виде.

«При анализе экономических форм, — писал Маркс, — нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»³⁴. Но так точно дело обстоит в языкознании и, в частности, в фонологии. Опыт фонологии в отношении соединения индуктивных приемов исследования с дедуктивными должен быть распространен и на грамматику. Марксистски понятые дедуктивные приемы исследования не имеют решительно ничего общего ни с дедуктивизмом старинной «рациональной грамматики», ни с дедуктивизмом таких современных лингвистов, как В. Бредаль или Л. Ельмслев. Марксистски понятые дедуктивные приемы исследования опираются на марксистский принцип конкретности анализа, то есть на изучение фактов и проверку фактами любых выводов.

Пойдем дальше. Находясь во власти истарелых традиций, мои критики пытаются опереться на авторитет выдающегося русского фонетиста акад. Л. В. Щербы. В моей статье говорилось: «Мы высоко ценим заслуги Щербы в развитии физиологии звуков речи, однако должны со всей решительностью сказать, что приравнивание фонемы к звуковому типу — плод недоразумения» (стр. 340). Это утверждение вызвало бурю возмущения у моих критиков. Вот, например, В. И. Лыткин пишет, что С. К. Шаумян решил расправиться с Щербой, «одним росчерком пера уничтожить его заслуги в области теории фонемы». И далее: «Знаменательно, что «разбору» фонетической системы этих советских ученых (Л. В. Щербы, А. Н. Гвоздева и других прямых учеников Л. В. Щербы. — С. III.) посвящено полстранички под заголовком «Недоразумение по поводу фонемы». Такого рода «рецензий» на фонологов в статье С. К. Шаумяна немало»³⁵.

Мои критики могут не соглашаться с критической оценкой взглядов Л. В. Щербы в моей статье. Но безответственные упреки, будто бы я «расправляюсь» с Л. В. Щербой на полстраничке, основаны на том, что мои критики или невнимательно читали мою статью, или заведомо искажают истину. Дело в том, что всякий, кто вдумается в логический ход рассуждений в моей статье, легко убедится, что шестой раздел под заголовком «Недоразумение по поводу фонемы» служит как бы противоположением к первым пяти разделам. Выяснив в первых пяти разделах, что понятие фонемы возникло в результате ломки эмпирического понятия звукового типа, я в шестом разделе ставлю вопрос так: если признать правильным доказанный в первых пяти разделах тезис, что понятие фонемы возникло в результате ломки эмпирического понятия звукового типа, то отсюда следует, что учение Л. В. Щербы о фонеме как звуковом типе

³³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 317.

³⁴ К. Маркс, Капитал, М., 1952, т. I, стр. 4.

³⁵ В. И. Лыткин, В какой языковой единице нуждается фонетика, стр. 43.

в корне ошибочно. Таким образом, если подходить к делу не формально, а по существу, критике Л. В. Щербы посвящена почти вся статья. Да и не могло быть иначе, потому что отстаиваемая мной фонологическая концепция прямо противоположна учению Л. В. Щербы о фонеме. Замечу мимоходом, что столь же безответственной должна считаться инсинуация В. И. Лыткина, будто бы «такого рода «рецензий» на фонологов в статье С. К. Шаумяна немало». Если В. И. Лыткин имеет в виду приверженцев теории вариаций и вариантов Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, П. С. Кузнецова и А. А. Реформатского, то с ними дело обстоит таким же образом. Выяснив в первых четырех разделах проблему тождества и показав в пятом разделе, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме тождества, я здесь же ставлю вопрос так: если признать правильным, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме тождества, то морфологический критерий определения тождества фонем в слабом положении, лежащий в основе теории вариаций и вариантов, надо считать ошибочным, стало быть рушится теория вариаций и вариантов. Таким образом, и критике теории вариаций и вариантов посвящено не полстранички, как может показаться при беглом просмотре статьи, а почти вся статья.

Точно так же несостоительно утверждение моих критиков, будто бы я насильно отождествляю Л. В. Щербу с английским фонетистом Д. Джоунзом. Так, например, С. И. Бернштейн пишет: «Сопоставлять учение Джоунза и Щербы, не указывая кардинального различия между ними, значит дезориентировать читателя»³⁶. А дальше в подтверждение своего мнения, что Д. Джоунзу была чужда смысловозначительная функция, С. И. Бернштейн ссылается на разные работы Д. Джоунза и в том числе на его главный труд «The phoneme: its nature and use». Эрудиция С. И. Бернштейна, видимо, состоит не в том, что он читает книги, а в том, что он просматривает их для расширения научного аппарата своих работ. Иначе как же объяснить, что С. И. Бернштейн проглядел в основном труде Д. Джоунза главу IV под заглавием «Смысловозначительная функция фонем» («Semantic function of phonemes»)? Указав в параграфе 31 своего труда, что фонемы являются звуковыми типами, Д. Джоунз в только что названной главе IV пишет: «В дополнение к объяснению, данному в параграфе 31, надо указать, что фонемы обладают смысловозначительной функцией». И далее: «Различия между фонемами являются «смысловыми» (significant), то есть они способны отличать одно слово от другого»³⁷. Таким образом, понятие смысловозначительной функции вовсе не чуждо Д. Джоунзу, как хотят уверить читатели С. И. Бернштейн и другие мои критики. Более того, в своей исследовательской практике Д. Джоунз правильно решает конкретные вопросы, нежели Л. В. Щерба и его ученики. Так, например, Д. Джоунз рассматривает звуки [i] и [y] в русском языке как варианты одной и той же фонемы³⁸, между тем как Л. В. Щерба и его ученики рассматривают эти звуки как разные фонемы.

Спрашивается: кому это нужны фокусы с искусственным преуменьшением заслуг выдающихся зарубежных ученых? Советская наука не нуждается в этом. Неужели С. И. Бернштейн и остальные мои критики думают, что этим путем они утверждают приоритет русской науки в деле создания фонологии? Приоритет русской науки в деле создания фонологии давно уже признан во всем мире в лице Н. С. Трубецкого.

Перейдем, однако, к существу дела. Л. Р. Зицлер и М. И. Матусевич, В. И. Лыткин и А. Н. Гвоздев исписали немало страниц, чтобы доказать, будто бы звуковой тип, в понимании Л. В. Щербы, — это не просто звуковой тип, а звуковой тип с учетом смысловозначительной функции, и что будто бы я извращаю учение Л. В. Щербы, замалчивая смысловозначительную функцию.

По этому поводу необходимо сказать следующее. Нет, я не забываю, что Л. В. Щерба, а за ним и Д. Джоунз рассматривают фонему не просто как звуковой тип, а с учетом смысловозначительной функции. Но дело тут вовсе не в различительной функции. Неверна сама постановка вопроса. Проблема отношения фонемы и звука не есть проблема отношения общего и частного или общего и единичного. Что фонема относится к своим вариантам как общее к единичному, это верно. Но варианты фонемы — это тоже фонемы. Варианты фонемы — это единичные фонемы. Только в этом смысле можно говорить о проблеме отношения фонемы к своим вариантам как о проблеме отношения общего к единичному. Что же касается отношения фонемы к звуку, то фонема и звук — это соотносительные понятия, принадлежащие к разным качественным плоскостям. Фонема относится к звуку не как, скажем, общее понятие стола к единичным столам, а, например, как понятие товара к понятию продукта. Товар и продукт относятся друг к другу не как общее к частному или к единичному, а как соотносительные понятия, отражающие двойственную природу предмета. О звуковых типах можно говорить только в том случае, если рассматривать звуки только с физической точки зрения. Например, сравнивая закрытое [e] и открытое [ɛ], мы можем установить звуковой тип [E], который относится к этим обоим звукам, как общее к частному. Такие звуковые типы устанавливаются в трудах по общей фонетике. Но в фонологии сама постановка вопроса о звуковых типах просто бессмысленна. В функциональной качественной плоскости существуют общие фонемы и единичные фонемы, или, в дру

³⁶ С. И. Бернштейн, назв. статья, стр. 556.

³⁷ D. Jones, The phoneme: its nature and use, Cambridge, 1950, стр. 14.

³⁸ Там же стр. 27.

гой формулировке, фонемы и их варианты. И отношение между теми и другими подчинено закону функционального тождества. Признавать фонему звуковым типом — это значит отвергать закон функционального тождества, а отвергать закон функционального тождества — это значит вносить произвол в фонологию и ликвидировать ее как научную дисциплину. В самом деле, Д. Джоунз считает звуки [i] и [y] в русском языке вариантами одной и той же фонемы на основании их принадлежности к одному и тому же звуковому типу. Но Л. В. Щерба и его ученики на том же основании считают эти звуки разными фонемами. Ссылка же на различительную функцию у тех и других совершенно произвольна и ничего не доказывает.

Признавая выдающиеся заслуги Л. В. Щербы в области физиологии звуков речи, мы вместе с тем должны отвергнуть его взгляды на фонему, так как эти взгляды служат тормозом для науки.

В свете только что сказанного необходимо указать, что проблема отношения фонемы и звука имеет большой интерес для философа и логика. Отражая двойственную природу звуковой стороны языка, эти понятия аналогичны таким понятиям, как товар и продукт в политической экономии, волна и частица в квантовой механике. Традиционная логика рассматривает отношения между понятиями только с точки зрения их объема, то есть только как отношения общего к частному и единичному. Здесь же мы сталкиваемся с новыми отношениями понятий, отражающими текучесть, подвижность, множественность сущностей предмета.

Если проблема фонемы заслуживает пристального внимания логика и философа, то и лингвисты, в свою очередь, должны уделять пристальное внимание проблемам марксистской диалектики и логики. Только при этом условии возможно проникнуть в сущность основных понятий фонологии и овладеть дедуктивными приемами исследования.

5. Фокусы и курьезы насчет источников отстаиваемой мной фонологической концепции

Невозможно развивать фонологию, если отбрасывать с порога фундаментальные работы основателя фонологии Н. С. Трубецкого. Между тем так до сих пор поступала небольшая группа советских лингвистов, специально занимавшихся теорией фонем; к числу этих лингвистов относятся и мои критики. В противовес этим лингвистам, не понимающим значения Н. С. Трубецкого, я писал: «Н. С. Трубецкой — фактический создатель фонологии, и в этом его огромная заслуга перед наукой о языке» («Проблема фонемы», стр. 332). Это еретическое утверждение вызвало взрыв негодования у моих критиков. Вот, например, что пишет А. А. Реформатский в связи с этим: «С. К. Шаумяну свойственна какая-то заносчивость и кичливость в рассуждении о науке и ее развитии, создается впечатление, если верить автору до конца, что до Шаумяна все только ошибались и путали, а он пришел и все разъяснил правильно»³⁹.

Н. С. Трубецкой получил в мировом языкознании всеобщее признание как основатель фонологии. Неужели можно называть заносчивостью и кичливостью согласие с общепризнанной истиной, что Н. С. Трубецкой — основатель фонологии? Фундаментальные принципы фонологии нашли всеобщее признание в мировом языкознании. Неужели можно называть заносчивостью и кичливостью решительное отстаивание фундаментальных принципов фонологии против той путаницы и неразберихи, которую под названием теории фонем мои критики до сих пор предподносили своим читателям? Не вернее ли будет сказать, что мои критики, отбрасывая с порога труды Н. С. Трубецкого, отбрасывая с порога достижения мирового языкознания и, в частности, достижения языкознания стран народной демократии, проявляют несвойственные советским ученым высокомерие и пренебрежительное отношение к подлинным достижениям мировой науки?

В области изучения звуковой стороны языка я считаю Н. С. Трубецкого своим прямым учителем. В основе отстаиваемой мной фонологической концепции лежат идеи Н. С. Трубецкого. В связи с этим мои критики прибегают к следующему фокусу. Они ставят знак равенства между моими взглядами и взглядами Н. С. Трубецкого и, ухватившись за мнимые и действительные ошибки Н. С. Трубецкого, приписывают эти ошибки мне для того, чтобы дискредитировать отстаиваемую мной фонологическую концепцию. В тех случаях, когда моим критикам не удается выискать нужных им ошибок у Н. С. Трубецкого, они идут дальше и находят их у Ф. де Соссюра. Во втором разделе я уже показал, каким образом С. И. Бернштейн, ухватившись за идеалистическое извращение фонемы у Ф. де Соссюра, пытался выдать это идеалистическое извращение за логически неизбежный вывод из отстаиваемой мной фонологической концепции.

По этому поводу нужно сказать следующее. Что касается существа, изложенных мной понятий и принципов, то я не претендовал на оригинальность. Напротив, я целиком опирался на работы Н. С. Трубецкого и лингвистов его школы, к числу которых принадлежит и француз А. Мартинэ. Дело шло только о критическом анализе известных фонологических понятий и принципов. В этом отношении передо мной стояли следующие три задачи.

³⁹ А. А. Реформатский, назв. статья, стр. 469.

Для того, чтобы разрабатывать фонологию с позиций диалектического материализма, надо прежде всего очистить фонологию от идеалистических извращений и идеалистической фразеологии, затемняющих смысл ее понятий и принципов. Внести свой посильный вклад в это общее для всех советских лингвистов дело я и пытался в статье «Проблема фонемы». Такова была первая задача, стоявшая передо мной.

Моя вторая задача заключалась в том, чтобы применить к определению фонемы метод определения понятий, который широко применяется, в современной физике и других науках, но которым мы, лингвисты, пренебрегаем. Это — метод сведения определяемого понятия к принципам или условиям, которым должно удовлетворять данное понятие. Этот метод можно назвать объяснительным в отличие от метода определения понятий *per genus proximum et differentiam specificam*, который следует называть описательным, так как он позволяет только описать предмет, но не раскрыть его качественную специфику. Любое понятие только тогда может служить плодотворным орудием исследования, когда известно, во имя каких принципов, это понятие установлено. Поэтому объяснительный метод определения понятий имеет фундаментальное значение для успешного развития любой науки, и, в частности, языкознания.

Чтобы решить эту задачу, нужно было отказаться от приведенных у Н. С. Трубецкого описательных определений фонемы как «наименьшей фонологической единицы» или как «знака для различения слов»⁴⁰, и поставить вопрос: каковы необходимые условия, которым должно удовлетворять понятие фонемы, если исходить из анализа знаковой природы звуков языка? Только что приведенные определения фонемы у Н. С. Трубецкого в принципе правильны, но они принадлежат по своему содержанию к описательным определениям, *per genus proximum et differentiam specificam*, которые сами по себе еще не раскрывают качественной специфики предмета. В результате анализа знаковой природы звуков языка у меня было дано следующее определение фонемы: «Фонема есть звуковая единица, служащая знаком для различения слов и в силу своей знаковой природы характеризуемая определенной совокупностью дифференциальных признаков и специфическими функциональными границами» (стр. 331). Из этого определения следует, что понятие фонемы должно удовлетворять трем условиям: 1) фонема есть не делимая дальше реальная единица, 2) фонема характеризуется определенной совокупностью дифференциальных признаков, 3) фонема характеризуется специфическими функциональными границами. Признание, что понятие фонемы должно удовлетворять этим трем условиям, вместе взятым, составляет, на мой взгляд, необходимый шаг в деле освобождения фонологии от идеалистических извращений и эклектизма. В самом деле, Н. С. Трубецкой не раз сбивался с функциональной точки зрения и смешивал функциональное тождество звуков с физическим и физическое членение речевого потока с функциональным потому только, что не отдавал себе отчета, что только что приведенные положения являются необходимыми условиями, которым должно удовлетворять понятие фонемы. Далее, известный французский лингвист А. Мартиэнэ в своих работах правильно решает проблему тождества, правильно решает вопрос о специфических функциональных границах фонемы. Однако А. Мартиэнэ вместе с тем утверждает, что фонема есть всего-навсего удобная рабочая гипотеза и лишена объективной реальности⁴¹. А. Мартиэнэ считает реальной единицей не фонему, а дифференциальные признаки. Это значит, что А. Мартиэнэ игнорирует условие, что фонема есть не делимая дальше реальная единица. Как я показал в своей статье «Проблема фонемы», философская ошибка А. Мартиэнэ ведет за собой ошибки в постановке и решении специальных проблем фонологии. Наконец, датский лингвист Л. Ельмслев и некоторые американские фонологи, отвергая в силу своего идеалистического мировоззрения анализ дифференциальных признаков, игнорируют условие, что фонема характеризуется определенной совокупностью дифференциальных признаков.

Моя третья задача состояла в том, чтобы вскрыть водораздел между фонологией и теориями, которые сводятся к тривестированию, к переодеванию старых понятий в фонологическую терминологию. К этим теориям принадлежит теория фонемы акад. Л. В. Щербы, переодевающая старое понятие звука в термин «фонема» и теория вариаций и вариантов, переодевающая в фонологическую терминологию традиционное учение о звуковых чередованиях.

Конечно, мои критики могут считать отстаиваемую мной фонологическую концепцию идеалистической, это их дело. Но если они хотят доказать свою точку зрения, то они должны сделать это путем прямой критикитезисов отстаиваемой мной фонологической концепции. Подменять же критику этих тезисов критикой ошибочных положений у Н. С. Трубецкого, Ф. де Соссюра или других лингвистов — это значит допускать логическую ошибку *ignotatio elenchi* — подмену опровергаемого тезиса.

Теперь необходимо остановиться на курьезных высказываниях моих критиков насчет источников некоторых положений отстаиваемой мной фонологической концепции.

Так, Р. И. Аванесов пишет: «Автор квалифицирует как ошибочную теорию вариантов и вариаций фонемы, которая изложена в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Си-

⁴⁰ N. S. T r u b e t z k o y, Grundzüge der Phonologie, стр. 34.

⁴¹ См. «Word», vol. V, 1949, No. 3, стр. 285.

дорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (не упоминая их имен). Не высказываясь сейчас по существу ее, отметим лишь, что автор пользуется теми же категориями, называя вариации вариантами, а варианты — смешанными фонемами. Разве от изменения названий меняется суть дела? Под смешанными фонемами автор имеет в виду то самое, что мы называли вариантами, но лишь в отрыве от морфемы без учета позиционно обусловленных звуковых чередований в пределах одной и той же морфемы. Такой подход едва ли улучшает дело. Поэтому от понятия смешанной фонемы следует отказаться»⁴².

Р. И. Аванесов не ведает, что говорит. Понятие смешанной фонемы не только не имеет ничего общего с понятием «варианта» в понимании Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, но в корне подрывает отстаиваемую ими теорию. Возьмем, например, конечные согласные в словах *рок* [rok] и *рог* [rok]. По Р. И. Аванесову и В. Н. Сидорову, в первом слове мы имеем фонему [k], а во втором фонему [g], так как здесь [k], возникнув из [g], является вариантом фонемы [g]. С моей же точки зрения, мы в обоих случаях имеем одну и ту же смешанную фонему [k/g]. Теория вариаций и вариантов Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова основана на подмене анализа противопоставлений фонем, анализа дифференциальных признаков чисто морфологическими критериями, которым не место в фонологии. Что же касается смешанной фонемы, то это понятие с логической неизбежностью вытекает из признания, что проблема нейтрализации подчинена общей проблеме фонологического тождества, которая решается только на основе анализа противопоставлений, анализа дифференциальных признаков. Одно из двух: или Р. И. Аванесов перестал различать черное и белое, или же он заведомо искажает истину в наивном расчете, что читатель все равно ничего не разберет и поверит ему на слово.

В действительности понятие смешанной фонемы восходит к понятию архифонемы у Н. С. Трубецкого. Понятие архифонемы у Н. С. Трубецкого и лингвистов его школы отличается сбивчивостью. С одной стороны, архифонема — это просто «совокупность дифференциальных признаков, которые являются общими для двух фонем»⁴³, а с другой, архифонема рассматривается как реальная фонологическая единица, возникающая в результате нейтрализации фонологических противопоставлений. Причем оба эти плана смешиваются, что приводит к идеалистическим извращениям, ведущим к ликвидации архифонемы как реальной фонологической единицы. Так, например, А. Мартинэ, опираясь на идеалистическое толкование фонемы как удобной рабочей гипотезы, сводит архифонему к одним лишь дифференциальным признакам и ликвидирует ее как реальную фонологическую единицу⁴⁴. В понятии смешанной фонемы отброшено толкование архифонемы как совокупности общих дифференциальных признаков двух фонем. Смешанная фонема есть реальная фонологическая единица. Что же касается дифференциальных признаков смешанной фонемы, то они существуют не сами по себе, а как проявление свойств смешанной фонемы. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, критикуя понятие архифонемы у Н. С. Трубецкого как идеалистическое, думают этим путем опровергнуть понятие смешанной фонемы⁴⁵. Но в том-то и дело, что, хотя понятие смешанной фонемы и восходит к архифонеме, оно вовсе не тождественно архифонеме. В этом суть, которую не замазать никакими фокусами с подменной критикуемых понятий.

Пойдем дальше. Остановившись на рассуждениях о дифференциальных признаках фонем в моей статье, А. А. Реформатский пишет, что С. К. Шаумян, «наверное, многое приобрел из этих (в «Фонетике французского языка». — С. III.) анализов Л. В. Щербы для «своих» взглядов о противопоставлениях и дифференциальных признаках фонем, хотя почему-то упорно замалчивает этот факт». И далее: «Другим, может быть, еще более прямым источником этих соображений у С. К. Шаумяна могли быть стр. 136—137 упомянутой выше моей статьи «Проблема фонемы в американской лингвистике», о чем С. К. Шаумян также упорно молчит»⁴⁶.

Возникает вопрос: если А. А. Реформатский так высоко ценит анализы Л. В. Щербы, то почему же, рассуждая о дифференциальных признаках фонем в своей статье «Проблема фонемы в американской лингвистике», опубликованной в 1941 г., он при этом ни словом не обмолвился о Л. В. Щербе, книга которого «Фонетика французского языка» вышла в свет в 1937 г.? Выходит, что в 1941 г. и до самого последнего времени А. А. Реформатский «упорно замалчивал» анализы Л. В. Щербы в области дифференциальных признаков фонем. Это во-первых. А во-вторых, необходимо сказать следующее. Понятие дифференциальных признаков ввели в науку И. А. Бодуэн де Куртэнэ и Ф. де Соссюр а подробно и систематически учение о дифференциальных признаках было разработано Н. С. Трубецким, работы которого, содержащие это учение, появились задолго до упомянутых работ Л. В. Щербы и А. А. Реформатского. Учение о дифференциальных признаках уже давно стало общим достоянием

⁴² Р. И. Аванесов, назв. статья, стр. 467.

⁴³ N. S. Trubetzkoy, Grundzüge der Phonologie, стр. 71.

⁴⁴ A. Martinet, Où en est la phonologie, «Lingua», 1947, vol. I, fasc. 1, стр. 48—49.

⁴⁵ См. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, К истории учения о фонеме, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. XII, 1953, вып. 1, стр. 74—75.

⁴⁶ А. А. Реформатский, назв. статья, стр. 470.

фонологии. В настоящее время признание учения о дифференциальных признаках нельзя ставить в заслугу фонологу, так же как нельзя ставить в заслугу физику, если он признает основные законы физики. Теперь дело идет не о признании дифференциальных признаков, а о признании закона функционального тождества, о признании анализа дифференциальных признаков единственным критерием при решении проблемы тождества. И вот если подойти к делу с этой стороны, то беглые замечания о дифференциальных признаках у Л. В. Щербы и А. А. Реформатского ничего нам не дают в этом отношении. Более того: Л. В. Щерба смешивает фонему со звуковым типом, а А. А. Реформатский является приверженцем теории вариаций и вариантов. А это значит, что ни тот, ни другой не понимают, что единственным критерием при решении проблемы тождества должен быть анализ дифференциальных признаков фонем. Это значит, что анализ дифференциальных признаков органически чужд и тому и другому. Пример неумения А. А. Реформатского применять на деле анализ дифференциальных признаков приведен у меня выше.

Раз уже зашла речь о статье А. А. Реформатского «Проблема фонемы в американской лингвистике», то стоит привести здесь следующее место из этой статьи: «Фонологические работы американских лингвистов имеют много пересечений с трудами советских языковедов, что вызывает особый интерес к американским исследованиям»⁴⁷. Возникает вопрос: что это за такие «пересечения» у А. А. Реформатского с американскими лингвистами и почему американские исследования вызывают у него особый интерес? Ответить на этот вопрос нетрудно, если принять во внимание, что теория вариаций и вариантов, приверженцем которой является А. А. Реформатский, развивается в других терминах эклектического смещения фонологии с морфологией, которое характерно для американца Сэпира и некоторых американских фонологов. А. А. Реформатский, «пересекаясь» с Сэпиром, хвалит Сэпира и говорит, что Сэпир «выгодно отличается» от Л. В. Щербы⁴⁸. Если бы А. А. Реформатский понимал, в чем заключается сущность анализа дифференциальных признаков фонем, то он не был бы приверженцем теории вариаций и вариантов и, стало быть, не хвалил бы Сэпира за эклектическое смещение фонологии с морфологией.

6. Фонология и факты языка. О мнимом антиисторизме фонологии

Противники Н. С. Трубецкого за рубежом, как, например, известный французский фонетист М. Граммон или датский лингвист О. Есперсен, обвиняют фонологию в невнимании к фактам языка и называют ее «бумажной фонетикой». Эту вздорную выдумку зарубежных противников фонологии повторяют и мои критики применительно к отстаиваемой мной фонологической концепции. Например, С. И. Бернштейн пишет, что «образец невнимания к звуковой материи языка представляет собой трактовка аффрикат в статье С. К. Шаумяна. Аффрикаты, с точки зрения их артикуляции, безоговорочно рассматриваются здесь как сочетания двух согласных». И далее: «Аффриката, как это уже давно выяснено, представляет собой особый способ образования, вовсе не тождественный с последовательностью двух артикуляций. Об этом писал уже Сиверс, который видел в аффрикате смычный согласный с замедленным взрывом». Отсюда С. И. Бернштейн делает вывод: «С. К. Шаумян повторяет старую концепцию аффрикаты как «слитного согласного», хотя его тезис о необходимости «строго отличать функциональное членение речевого потока от физического» может быть легко доказан и без этого фонетического примитивизма»⁴⁹.

Статья С. И. Бернштейна «Против идеализма в фонетике», откуда взята эта цитата, снабжена солидным научным аппаратом, который должен вызывать у читателя уважение к солидной эрудиции автора. Но странное дело — выше мы уже столкнулись с фактами, когда, читая «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, С. И. Бернштейн не заметил, что раздел этой книги, называемый фонологией, посвящен вовсе не фонологии, а физиологии звуков речи, не заметил, что Ф. де Соссюр термином «фонология» называл физиологию звуков речи. Далее, читая книгу Д. Джоунза о фонеме, С. И. Бернштейн проглядел главу о различительной функции. В связи с этим я позволил себе высказать гипотезу, что эрудиция С. И. Бернштейна состоит не в том, что он читает книги, а в том, что он просматривает их для расширения научного аппарата своих работ. Теперь эта гипотеза находит новое подтверждение. С. И. Бернштейн с несокрушимым апломбом обвиняет меня в фонетическом примитивизме, ссылаясь на Сиверса. Но вот, что в действительности пишет Сиверс: «Если спиранту предшествует смычка, мы получаем двойной звук, аффрикату, то есть смычный + спирант»⁵⁰. А известно ли С. И. Бернштейну, что ярый противник фонологии М. Граммон тоже считал аффрикату слитным согласным и доказал это экспериментально?⁵¹ Может быть, М. Граммон тоже страдал «фонетическим примитивизмом»? Взгляд на аффрикату как смыч-

⁴⁷ Уч. зап. МГПИ, т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941, стр. 134.

⁴⁸ Там же, стр. 114.

⁴⁹ С. И. Бернштейн, назв. статья, стр. 553.

⁵⁰ «Geht der Spirans ein Verschluss voraus, so bekommen wir einen Doppellaut eine Affricata, d. h. Verschlusslaut + Spirans» (E. d. S i e v e r s, Grundzüge der Phonetik, 5. Aufl., стр. 1901, 54).

⁵¹ См. M. G r a m m o n t, Traité de phonétique, 1933, стр. 105—110.

ный согласный высказал впервые француз Руссело. Этот взгляд вряд ли может быть признан верным в свете последнего фундаментального труда М. Граммона, с которым С. И. Бернштейн, повидимому, так же основательно знаком, как с трудами Сиверса и Джоунаа.

Противники Н. С. Трубецкого за рубежом распространили вздорную выдумку, будто бы фонология чисто синхроническая дисциплина, которой нет дела до истории языка. Эту вздорную выдумку зарубежных противников фонологии слепо повторяют и мои критики применительно к отстаиваемой мной фонологической концепции. Так, Р. И. Аванесов пишет, что эта концепция характеризуется «внеисторичностью, если не сказать антиисторичностью»⁵². В чем же видит Р. И. Аванесов антиисторизм отстаиваемой мной фонологической концепции? Послушаем Р. И. Аванесова: «Автор по существу отрицает историческое развитие в звуковой стороне языка, когда пишет: «Какими бы резкими ни были комбинаторные изменения фонем, отношения между фонемами остаются неизменными». Ведь известно, например, что древнерусский язык XI в. и современный русский литературный язык значительно отличаются друг от друга по составу своих фонем, по закономерностям фонетической системы. Как же получились эти отличия, если отношения между фонемами при любых их изменениях остались неизменными?»⁵³.

Цитата из моей статьи, приведенная Р. И. Аванесовым в доказательство антиисторичности отстаиваемой мной фонологической концепции, не имеет ничего общего с тем смыслом, который вкладывает в нее Р. И. Аванесов. Говоря о том, что «какими бы резкими ни были комбинаторные изменения фонем, отношения между фонемами остаются неизменными» (стр. 329), я имел в виду чисто синхронические факты комбинаторных изменений. Например, в современном русском языке отношения между гласными фонемами под ударением всегда остаются неизменными, хотя качество гласных фонем варьирует в зависимости от соседства с твердыми или мягкими согласными. Весь контекст, откуда взята данная цитата, не допускает никаких двусмысленностей в ее толковании. Одно из двух: или Р. И. Аванесов перестал понимать простые и ясные вещи, или он заведомо искажает истину для того, чтобы дискредитировать отстаиваемую мной фонологическую концепцию.

В своей статье я писал: «Фонология не в меньшей степени, чем традиционная историческая фонетика, тщательно отмечает все эмпирические факты изменений звуков, однако она не хочет оставаться на поверхности этих фактов. По поводу каждого звукового изменения она спрашивает, должно ли данное звуковое изменение считаться существенным, функциональным звуковым изменением или же несущественным, не функциональным» (стр. 341—342). Это ясное положение, принадлежащее собственно к азам фонологии, оказалось непонятным для моих критиков. Так, С. И. Бернштейн пишет: «В принципе, с точки зрения С. К. Шаумяна, язык может в процессе исторического развития целиком изменить свой звуковой облик, а история звуков этого языка — в полном согласии с учением де Соссюра — пройти мимо этого изменения, как «несущественного»⁵⁴.

Если бы С. И. Бернштейн читал, а не просматривал труды по фонологии, то он бы убедился, что он приписывает мне вздор, который не приходил в голову ни мне, ни одному фонологу. Фонология различает существенные и несущественные звуковые изменения вовсе не для того, чтобы игнорировать несущественные звуковые изменения, а для того, чтобы установить иерархическое соотношение между этими изменениями. Поэтому фонология тщательно исследует как изменения фонем, так и изменения вариантов фонем, но не считает эти изменения равноценными. Если древнепольское [i] и [y] в ряде диалектов польского языка совпали, то фонология старательно отмечает этот факт, но не считает его равноценным с совпадением двух фонем [e] и [é] в одной фонеме. Все это давно известно, но для моих критиков является новостью.

Принцип иерархии применяется и в диалектологии. В своей статье я писал, что в тех случаях, когда в одних диалектах звуки [i] и [y] служат вариантами фонемы [i], а в других — фонема [i] произносится всегда одинаково, разница между произношением фонемы [i] несущественна для характеристики польских диалектов (стр. 341). Это значит, что диалектология должна старательно отмечать различия между вариантами [i] и [y], но вместе с тем не считать эти различия равноценными с различиями между фонемами. Это давно известное положение тоже оказалось новостью для моих критиков. Так, например, А. А. Реформатский, находя это положение «по меньшей мере странным», пишет: «Очевидно, С. К. Шаумян никогда не занимался всерьез диалектологией и никогда не принимал участия в работе над диалектологическими картами»⁵⁵. Из этих слов А. А. Реформатского следует заключить, что А. А. Реформатский занимался всерьез диалектологией, а также принимал участие в работе над диалектологическими картами. В связи с этим возникает вопрос: можно ли заниматься всерьез диалектологией и вместе с тем сохранять девственную невинность в отношении достижений современного языкознания в области вопросов диалектологии?

⁵² Р. И. Аванесов, назв. статья, стр. 465.

⁵³ Там же, стр. 467—468.

⁵⁴ С. И. Бернштейн, назв. статья, стр. 557.

⁵⁵ А. А. Реформатский, назв. статья, стр. 471.

7. Как философ А. Г. Спиркин воюет против идеализма

В дискуссии принял участие философ А. Г. Спиркин. Статья А. Г. Спиркина называется «Проблема фонемы и ленинская теория отражения». А. Г. Спиркин, подобно остальным моим критикам, ставит своей задачей уничтожить отстаиваемую мной фонологическую концепцию как насквозь идеалистическую.

Для того чтобы разобраться с философской точки зрения в существовании той или иной лингвистической теории, необходимы два условия: знание марксистской диалектики и, по меньшей мере, элементарное знакомство с рассматриваемой лингвистической теорией.

А. Г. Спиркин по специальности философ, значит знает марксистскую диалектику. Он пишет: «С. К. Шаумян резко выступает против приемов эмпирического исследования. Эмпирический анализ, являющийся с точки зрения марксистско-ленинской теории познания абсолютно необходимой предпосылкой для любого теоретического анализа, с высокомерным презрением отвергается С. К. Шаумяном». И далее: «Эта позиция С. К. Шаумяна находится в противоречии с учением В. И. Ленина о познании, идущим от живого созерцания к абстрактному теоретическому мышлению и от него к практике. «Чтобы понять,— писал В. И. Ленин,— нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду»⁵⁶.

Слово «эмпирический», как известно, имеет два значения. Во-первых, слово «эмпирический» значит «свойственный эмпиризму». В этом смысле говорят: «эмпирическая философия», «эмпирический метод», «эмпирические приемы исследования» и т. д. Во-вторых, слово «эмпирический» значит «данный в опыте», «относящийся к опыту». В этом смысле говорят: «установить что-нибудь эмпирически», «эмпирический факт» и т. д. Когда я выступаю против эмпирических приемов исследования, то я выступаю против эмпиризма, а не против исследования фактов действительности. В только что приведенной цитате из «Философских тетрадей» Ленин употребляет слово «эмпирический» в смысле «относящийся к опыту». А. Г. Спиркин, не понимая, в каком смысле употребляет данное слово Ленин, а отсюда и не понимая мысль Ленина, делает вывод, что моя позиция, которая, как мы видим, направлена против эмпиризма, находится в противоречии с учением Ленина.

Необходимым условием правильного понимания научных и философских произведений, и, в частности, произведений классиков марксизма-ленинизма, является умение различать значения слов. Но А. Г. Спиркин не очень отличается этим умением. Вот, например, я говорю в своей статье, что фонология имеет дело с абстракциями. Это значит, что фонология оперирует абстракциями. Но для А. Г. Спиркина «иметь дело» означает совсем другое. Он выхватывает следующую цитату из моей статьи: «Имея дело с абстракциями, выходящими за пределы непосредственных, чувственно воспринимаемых данных, фонология в своих принципах оказывается тесно связанной с общими философскими проблемами» (стр. 325). Затем пишет: «Абстракции у С. К. Шаумяна из средства познания превращаются в объект познания. Мысль о предмете превращается в предмет мысли»⁵⁷. Для А. Г. Спиркина «фонология имеет дело с абстракциями» означает «фонология имеет объектом познания абстракции».

А вот еще пример: на стр. 328 своей статьи я даю предварительное определение фонемы как «единицы, служащей знаком для различения слов», а на стр. 331 даю окончательное определение фонемы. Всякому ясно, что слово «окончательное» я употребил в соотношении с предварительным определением фонемы. Данное определение фонемы является окончательным только в рамках моей статьи, а не вообще. Но А. Г. Спиркин пишет, будто бы я претендую на окончательное определение фонемы, и таким образом приписывает мне вздорное намерение выдать мое определение фонемы за истину в последней инстанции⁵⁸.

Посмотрим теперь, насколько А. Г. Спиркин знаком с фонологией, проблемы которой он взялся рассматривать с философской точки зрения. Вся первая глава его статьи, носящая заглавие «Фонема как реальная языковая единица», есть набор бессодержательных, пустых фраз, между которыми вставлены цитаты из Ленина и Энгельса. Для образца возьмем рассуждение А. Г. Спиркина о качестве фонемы: «Качество фонемы — это совокупность ее признаков, свойств, особенностей, которые в своем единстве образуют нечто целое — определенную звуковую единицу»⁵⁹. Чтобы убедиться в полной бессодержательности этого рассуждения, сделаем следующий эксперимент: заменим в этом рассуждении слово «фонема» и его синоним «звуковая единица» словом «корова». Получаем рассуждение, которое несколько не хуже: «Качество коровы — это совокупность ее признаков, свойств, особенностей, которые в своем единстве образуют нечто целое — определенную корову».

А. Г. Спиркин где-то прослышал об антигисторизме фонологии, и вот он приписывает моей статье антигисторизм: «Существенным методологическим пороком статьи

⁵⁶ А. Г. Спиркин, назв. статья, стр. 478.

⁵⁷ Там же, стр. 476.

⁵⁸ См. там же, стр. 479.

⁵⁹ Там же, стр. 475.

С. К. Шаумяна является ее антиисторизм. Вопреки указанию И. В. Сталина о том, что главной задачей языковедения является изучение внутренних законов развития языка, ... С. К. Шаумян, несмотря на то, что он посвящает специальный раздел истории фонем, рассматривает фонетические явления не в истории, а лишь синхронно. А между тем хорошо известно, что нельзя построить теории фонемы без исследования ее истории. Марксизм несовместим с антиисторизмом»⁶⁰.

Откуда А. Г. Спиркин взял, что я рассматриваю фонетические явления «не в истории, а лишь синхронно»? Неужели А. Г. Спиркин думает, что достаточно сказать «лишь синхронно», и антиисторизм будет доказан? Если А. Г. Спиркин что-нибудь понимает в фонологии, почему он не приводит никаких доказательств в подтверждение своего «лишь синхронно»? Почему разбор существа дела он подменяет ярлыками?

Выше я уже показал, что А. Г. Спиркин где-то прослышал о вздоре, сочиненном буржуазными профессорами, будто бы из признания дифференциальных признаков сущностью фонемы с логической неизбежностью вытекает нематериальность различительной функции. И вот, прослышав об этом вздоре, А. Г. Спиркин поверил буржуазным профессорам, что различительная функция нематериальна. В результате А. Г. Спиркин делает в своей статье две вещи: во-первых, он пропагандирует идеалистическое противопоставление различительной функции и звуковой материи, пропагандирует нематериальность различительной функции, во-вторых, пропагандируя нематериальность различительной функции, он отвергает за фонологию право исследовать различительную функцию звуков саму по себе на том основании, что различительная функция, мол, нематериальна. Стало быть, А. Г. Спиркин, сам того не ведая, занимается пропагандой идеалистических взглядов на природу звуков языка и вместе с тем отбрасывает с порога положительное содержание фонологии.

А. Г. Спиркин думает, что он ведет борьбу с идеализмом. На самом же деле он пропагандирует идеализм и ведет борьбу с наукой. А. Г. Спиркин думает, что он внедряет марксизм в языковедение. На самом же деле он занимается беспартийной профанацией марксизма.

В свое время А. Г. Спиркин подвизался на страницах журнала «Вопросы философии» с пропагандой идеалистического учения Н. Я. Марра. Об этом идеалистическом учении А. Г. Спиркин писал: «Учение академика Марра о языке, воздвигнутое на гранитном фундаменте диалектического и исторического материализма, представляет собой подлинный революционный переворот в языковедении»⁶¹. Теперь же он пропагандирует идеалистические взгляды на природу звуков языка и ведет борьбу с фонологией.

Чему все это приписать? Все это следует приписать тому, что А. Г. Спиркин хочет заниматься философскими вопросами языковедения, не читая трудов по языковедению. А. Г. Спиркин пропагандировал идеалистическое учение Н. Я. Марра, не читая трудов Н. Я. Марра. Теперь А. Г. Спиркин «решает» проблемы фонологии, не читая трудов по фонологии.

Вот как философ А. Г. Спиркин воюет против идеализма.

8. Заключение

Я разобрал только главные возражения моих критиков против отстаиваемой мной фонологической концепции. Разобрать все было невозможно: для этого пришлось бы написать статью вчетверо больше настоящей, так как рассуждения моих критиков представляют собой сплошной клубок путаницы.

Отстаиваемая мной фонологическая концепция, конечно, не лишена недостатков. Критика этих недостатков могла бы принести большую пользу для ее дальнейшего развития и углубления. Но в своем рвении изничтожить отстаиваемую мной фонологическую концепцию мои критики сосредоточили свое внимание не на ее действительных недостатках, а на той ее стороне, которая связана с фундаментальными принципами фонологии, прочность которых непоколебима. Мои критики, потратив все свои усилия на докхитотскую борьбу с фундаментальными принципами фонологии, лишили меня возможности воспользоваться их замечаниями, которые могли быть полезными, если бы были направлены на действительные недостатки отстаиваемой мной фонологической концепции.

Фонология созрела и окрепла в борьбе против устарелых традиций в языковедении, в борьбе против плоского эмпиризма. Но возникнув в недрах буржуазной науки, фонология несет на себе родимые пятна буржуазной науки — метафизические и идеалистические наслоения. Окончательно очистить фонологию от метафизических и идеалистических наслоений и поднять положительное содержание фонологии на качественно новую ступень возможно только совместными усилиями всех советских лингвистов, работающих в области изучения звуковой стороны языка.

Главным условием успешного развития фонологии является решительное отстаивание последовательной функциональной точки зрения. Это значит, что необходимо

⁶⁰ Там же, стр. 478.

⁶¹ А. Г. С п и р к и н, Научная сессия, посвященная 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти Н. Я. Марра, «Вопросы философии», 1949, № 3, стр. 326.

отвергнуть теорию фонемы акад. Л. В. Щербы и теорию вариаций и вариантов. Обе эти теории представляют собой травестирование, переодевание в фонологическую терминологию старых понятий традиционного языкознания.

Невозможно развивать фонологию, если отбрасывать с порога лингвистическое наследие основателя фонологии Н. С. Трубецкого. Поэтому надо положить решительный конец нигилистическому отношению к трудам Н. С. Трубецкого.

Страстно желая победы истины, я вовсе не посягаю на право моих критиков оставаться при своих ошибочных взглядах. Но пусть мои критики не преграждают дорогу истине, объявляя свои ошибочные взгляды точкой зрения советского языкознания, как это сделал, например, А. А. Реформатский в своем рассуждении, приведенном мною уже выше на стр. 537. Говорить от имени советского языкознания—это значит пытаться поставить своих научных противников, тоже советских лингвистов, вне советского языкознания. Как рядовой советский лингвист, я намерен пользоваться на деле священным правом каждого советского ученого идти, не подлаживаясь к конъюнктуре, по тому пути, по которому обязывают его идти на благо советской науки его ум и совесть. Путь по которому я иду,—это путь разработки идей структурной лингвистики с позиций диалектического материализма.

Дальнейшее развитие советского языкознания покажет, правилен ли путь, который я избрал.